

Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года не получило серьезной оценки в научной литературе. Представленная статья является первой попыткой оценить влияние сельского общества на размеры питейной торговли.

Цель – определить место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года.

Задачи, которые вытекают из поставленной цели, заключаются в том, чтобы: назвать нормативные акты, устанавливающие место сельского схода в открытии питейных заведений; засвидетельствовать способы, кои винооторговцы использовали для получения согласия; определить степень самостоятельности крестьян в принятии решений.

Методология. Исследование проведено на основе макро- и микроисторического анализа, были использованы проблемно-хронологический, историко-типологический и историко-генетический методы.

Результаты. Новое законодательство поставило открытие питейных заведений на землях, принадлежащих сельским обществам, в зависимость от сельских сходов. Крестьяне с охотой шли на сельский сход о питейном заведении, вели себя важно, что объяснялось не приверженностью морали, а желанием получить за свой голос деньги или выпивку. Недружелюбно отнеслись сельские общества к Закону от 14 мая 1885 года, запретившему получение платы за разрешительный приговор. Противодействие выразилось в росте запретов на питейную торговлю. Законом от 5 мая 1892 года сельские общества получили официальное разрешение открывать питейную торговлю за плату, но расходовать ее на уплату недоимок.

Вывод. Винная реформа 1863 года включила сельский сход в систему регулирования питейной торговли. В пореформенный период пределы влияния сельского схода на питейный промысел менялись, крестьянское согласие во многом зависело от сельского начальства, мировых посредников, присутствий по питейным делам. Но предоставленная возможность открывать или запрещать питейную торговлю усилила у крестьян чувство собственной значимости. Предпочтение они отдавали местным торговцам и наиболее щедрым просителям. Винооторговцы, желая получить разрешительный приговор, в открытую поили или раздавали крестьянам деньги.

Ключевые слова: винная реформа; питейное заведение; крестьянство; сельский сход; винооторговец.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 12, № 2. С. 124–134. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-124-134>.

Поступила в редакцию 24.01.2022

Принята к публикации 26.02.2022

Опубликована 04.04.2022

The Place of the Rural Gathering in the Regulation of the Drinking Trade after the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

Relevance. The place of the rural gathering in the regulation of the drinking trade after the wine reform of 1863 has not received a serious assessment in the scientific literature. The presented article is the first attempt to assess the impact of rural society on the size of the drinking trade

The purpose – to determine the place of the rural gathering in the regulation of the drinking trade after the wine reform of 1863.

The objectives which follow from the goal set, are to: to name the normative acts establishing the place of the rural gathering in the opening of drinking establishments; to testify to the ways that wine merchants used to obtain consent; to determine the degree of independence of peasants in decision-making.

Methodology. The study was conducted on the basis of macro- and micro-historical analysis, problem-chronological, historical-typological and historical-genetic methods were used.

Results. The new legislation made the opening of drinking establishments on the lands belonging to rural societies dependent on rural gatherings. Peasants willingly went to a village meeting about a drinking establishment, behaved importantly, which was explained neither by adherence to morality, but by the desire to get money or booze for their vote. Rural societies reacted unfriendly to the Law of May 14, 1885, which prohibited receiving payment for a permissive sentence. The opposition was expressed in the growth of bans on the drinking trade. By law, on May 5, 1892, rural societies received official permission to open a drinking trade for a fee, but to spend it on paying arrears.

Conclusions. The wine reform of 1863 included the village assembly in the system of regulation of the drinking trade. In the post-reform period, the limits of the influence of the rural gathering on the drinking industry changed, peasant consent largely depended on the rural authorities, world intermediaries, and the presence of drinking affairs. But the opportunity to open or prohibit the drinking trade strengthened the peasants' sense of self-importance. They gave preference to local merchants and the most generous petitioners. Wine merchants, wanting to get a permissive verdict, openly watered or distributed money to the peasants.

Keywords: wine reform; drinking establishment; peasantry; rural gathering; wine merchant.

Funding: The publication was carried out within the framework of the state task for 2022 "Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. The Place of the Rural Gathering in the Regulation of the Drinking Trade after the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022; 12(2): 124–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-2-124-134>.

Received 24.01.2022

Accepted 26.02.2022

Published 04.04.2022

Введение

Манифест Александра II от 19 февраля 1861 г. велел «образовать в помещичьих имениях мирские управления» [1, с. 34]. Крестьянам предоставлялось право участвовать в сельском сходе. Отдельную

крестьянскую семью на сельском сходе представлял хозяин или старший ее член, как правило, мужчина. Принять участие в сельском сходе могли женщины, если взрослых мужчин в доме не было. Не допускались на сход лица духовного звания, чины уездной полиции, состоявшие

под следствием или судом по преступлениям или проступкам, влекущим за собой потерю особенных прав и преимуществ, а также лица, отданные по решению суда под надзор полиции [2, с. 7].

Сельский сход созывался в воскресные и праздничные дни по окончании богослужения в местной церкви. Так как сельские общества состояли из одного селения или нескольких, местом проведения схода становилось «серединное» или наиболее «многолюдное» село. В ненастное время года и зимой сельский сход проходил в одной из просторных изб (с соблюдением очереди) или в здании волостного правления. «Ни под каким предлогом» сход не собирался в питейном заведении [3].

Принципы организации и функционирования крестьянского самоуправления не единожды становились объектом исторического анализа [4; 5; 6; 7]. Но, помимо вопросов о раскладе казенных, земских и общественных податей и повинностей, переделе полей, устройстве дорог, выгоне скота, покосах, презрения престарелых и увечных членов общества, обучения детей грамоте, сельский сход решал вопрос об открытии на общинной земле питейного заведения. Место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 г. историками рассматривалось лишь попутно. Наиболее тщательный анализ был осуществлен Н. Е. Горюшкиной, И. Б. Русаковым [8] и С. В. Богдановым [9]. При этом нормативные акты, определившие права сельского схода в отношении питейных заведений, методы, к которым прибегали виноторговцы для склонения селян на свою сторону, степень самостоятельности сельского схода в принятии решений не становились предметом специального анализа, данная статья в некоторой мере восполнит имеющийся пробел.

В качестве ее источников выступили законодательные акты, собранные в Полном собрании законов Российской импе-

рии. Важный фактический материал почерпнут из документов Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, а также из свидетельств современников сельских сходов «о кабаках».

Методология

Статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория продемонстрировала эффективность при выявлении общих тенденций регулирования питейной торговли сельскими сходами в разные временные отрезки свободного оборота алкоголя; микроанализ позволил, сужая охват исследования до отдельного сельского схода, включить микрообъекты (конкретные сельские сходы) в широкий исторический контекст. Соединение общих и уникальных явлений позволило определить место сельского схода в регулировании питейной торговли после винной реформы 1863 г., объяснить поведение крестьянина на сходках.

Продуктивно были использованы проблемно-хронологический метод, в соответствии с которым «питейные» сельские сходы представлены в строгой временной последовательности, историкотипологический метод, позволивший рассмотреть место сельского схода в регулировании питейной торговли в исторической ретроспективе, историко-генетический метод, раскрывающий перемены изучаемой реальности в процессе ее развития под влиянием правительственных мер.

Результаты и их обсуждение

В русле популярной в конце 1850-х – начале 1860-х гг. теории эмансипации крестьян (превращения их в свободных и полноправных граждан), «Положение о питейном сборе» поставило открытие питейных заведений в зависимость: «а) в землях казачьих войск – от станичных сборов; б) в селениях колонистов, крестьян

ян: государственных, удельных и других наименований – от мирских приговоров; в) на землях, находящихся в непосредственном ведении Министерства государственных имуществ и уделов, – от палат государственных имуществ и удельных контор; г) на землях, принадлежащих частным лицам, – от владельцев земель, и д) на землях, принадлежащих сельским обществам, – от сельских сходов [10].

Законом от 2 мая 1864 г. был уточнен порядок открытия питейных заведений с *распивочной торговлей*, а именно кабаков, шинков, временных выставок, портерных лавок, корчем, постоянных дворов, погребов для продажи русских вин, ренсковых погребов, на землях, принадлежащих сельскому обществу [11].

Сельское общество принимало на себя функцию распорядителя, готового продемонстрировать коллективный ум, нравственную зрелость, мудрость и эффективность. Решение должно быть разумным, учитывать местные обстоятельства.

Процедура была такова. «Охотник» открыть торговлю питьями обращался к старосте и просил разрешительный приговор. В редких случаях число «охотников» ограничивалось одним человеком. Даже в небольших селениях в конкурентную борьбу, как правило, вступало 2–3 торговца. Если же селение было крупным, торговым, то конкурентов было еще больше. Каждый из виноторговцев стремился получить разрешение и по возможности устранить конкурентов, чтобы его питейное заведение стало единственным в селе.

«Бумага» составлялась на сельском сходе. «За» разрешение должны были проголосовать не менее 2/3 селян, имеющих право голоса, «приложить руку» могли только те, кто действительно присутствовал на собрании. Заранее в ход шли все средства убеждения, законные и незаконные. Крестьян «подговаривали», задабривали, устрашали. Но самым распространенным способом добиться рас-

положения крестьян было обещание им денег и вина [12, с. 26–27].

Крестьяне на сход, где решался вопрос о питейном заведении, собирались с охотой. Хотя дело было для них неизвестное, но каждый селянин чувствовал свою ценность, значительность, возможность изречь собственное суждение. Немаловажным фактором приподнятого настроения крестьян на сходке был слух об обещанной водке за разрешительный приговор. «Можно сказать положительно, что ни одна сельская сходка не обходится без водки, – сообщал корреспондент “Русского вестника”, подписавшийся “П.Б.”, – и народ так привык к этому, что, собираясь на сходку, он вполне уверен, что там предстоит ему “выпивка”; она-то, собственно, интересует и привлекает, а вовсе не то дело, которое будет там разбираться» [13, с. 465–466].

Сельская администрация старалась придать сходке организованный характер. Но избежать крика, перебранок, а порой и драк получалось не всегда. Средством убеждения противника часто служило крепкое слово. Известный публицист А. Н. Энгельгардт, воочию наблюдавший поведение крестьян на сельских сходках, писал: «Мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел произведен математически точно – и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, – все принято в расчет, что счет сведен верно и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей,

убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть хоть один сомневающийся. То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются – вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг вернет слово – одно только слово, восклицание, – и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное» [14, с. 233–234, 236].

Если кто-то из членов общины не соглашался с мнением большинства, в дело вступали уговорщики из числа уважаемых людей (старейшин). Даже заправские крикуны стихали, когда говорили старики. Конкурентную борьбу, как правило, выигрывал виноторговец, склонивший на свою сторону сельское начальство, уважаемых членов сельского общества и не поскупившийся на угощение селян. Преимущества имел «свой» кабатчик. Рассуждали крестьяне так: «кабатчик *чужой* человек, пришлый, с ветру;пусти его, он и будет нас обирать да наживаться, лишним грошем для нас не поступится, так уж пусть лучше *свой* человек – мы его знаем, он нас, ну и уважить» [15, с. 7].

Крестьяне в принципе не особо противились питейному заведению. По справедливому замечанию еще одного известного публициста Н. Б. Герсевича, они были внутренне убеждены, что жить без водки нельзя, водка – «эликсир жизни, живая вода, универсальное лекарство; она греет его в стужу, прохлаждает в зной, предохраняет от действия сырости, утешает в скорби, веселит в радости, лечит наружные и часто внутренние болезни. Резь в животе, задержание мочи – врачуют водкой, настоянную перцем; болит ли голова, замочены ли ноги – тотчас примачивают сивухой; ушибся ли кто <...> – натирают водкой с камфарой;

пьют с горя, с радости, с похмелья; за водкой решаются все важные дела, мирские сходки, выборы, рекрутские наборы; а о праздниках, свадьбах, радостных случаях и говорить нечего: без вина нет ни угощения, ни крестин, ни похорон, ни проводов; без него дружба не в дружбу, радость не в радость» [16, с. 16–17].

Запретительный приговор, если таковой случался, при ближайшем рассмотрении был плодом не морали, а рационального желания селян получить за свои голоса, вдруг кому-то понадобившиеся, больше денег или больше выпивки. Доказательством того, что нравственность при вынесении запрета не играла роли, могут быть два частных случая.

В 1873 г. крестьяне одного из уездов Пензенской губернии поссорились с кабатчиком из-за того, что тот, сняв место под питейное заведение у соседнего помещика, отказался ставить сельскому обществу магарыч, что делал прежний целовальник. Крестьяне пришли в неистовство и решили «не ходить в тот кабак, пока кабатчик не уломается». Мировой посредник приписал делу нравственный характер. Он собрал сход и велел составить приговор, будто бы крестьяне «очувствовались», познали вред пьянства и, согласившись с антиалкогольными доводами посредника, вынесли решение запретить «пристанище Бахуса» [17].

Сохранился рассказ бывшего крестьянина, сделавшегося купцом-миллионером, Н. М. Чукмалдина о том, как он на протяжении 20 лет, желая противодействовать пьянству, платил от 100 до 200 руб. обществу родного села Кулакова близ Тюмени за запретительные приговоры. Когда питейное заведение открылось в «смежной» деревне Гусельниково, Николай Мартемьянович стал платить 100 руб. и этой деревне [18, с. 143–144]. Не все знали о чукмалдинских «вкладах», и в округе крестьяне этих двух деревень слыли большими трезвенниками.

Закон от 14 мая 1874 г. поставил в зависимость от мирских приговоров не

только распивочную, но и выносную торговлю питиями [19].

Законом от 1 января 1876 г. был введен запрет брать плату за разрешение питейной торговли [20]. Но эффективность нового правительственного узаконения оказалась сомнительной. Вымогательство сельских сходов стало «тайной». «Обход закона или его нарушение хранится в тайне, – писал по этому поводу “Вестник Европы”, – но в данном случае о тайне большею частью может быть речь разве только в смысле „полишинелевского секрета“. Сделки, посредством которых создается в деревне монополия питейной торговли, известны всем и каждому и едва скрываются крестьянами» [21, с. 348].

В этот временной отрезок питейная торговля в большей мере перешла в руки крупных торговцев. Высокий товарооборот некоторых сельских магазинов нередко превосходил обороты среднего размера оптовых складов. К примеру, в середине 1890-х гг. ведерная лавка [инициалы не указаны. – Н. Г.] Михеевой в Тимском уезде сбывала в год до 10 тыс. ведер вина [22]. Виноторговцы платили отступные за разрешительный приговор не сельскому сходу, а сельскому начальству – старосте, писарю, старшине, уряднику. Каждое разрешение имело цену, и в зависимости от выгод местности стоило от 100 руб. до 6 тыс. руб. [15, с. 8]

Разумеется, «целовальник» стремился как можно быстрее и с прибылью вернуть израсходованный капитал, и потому разбавлял вино, принимал заклады, отпускал вино в долг, поощрял беспатентную торговлю, но только при том условии, что беспатентщики брали спиртное у него.

Закон от 14 мая 1885 г. изменил порядок влияния сельских обществ на питейную торговлю. В местах значительного скопления народа – в селениях, где проживало 500 и более душ, а также в базарных, торговых, промышленных и фабричных селениях, при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов, на про-

езжих трактах, – питейная торговля была изъята из ведения сельских обществ и запрету не подлежала. Те селения, которые в указанную категорию не входили, получили возможность регулировать питейную торговлю в черте усадебной оседлости. Приговоры сельских обществ (разрешительные либо запретительные) должны были в строго установленные сроки представляться в учрежденные по Закону от 14 мая 1885 г. присутствия по питейным делам – уездные и губернские. Срок действия приговоров составлял три года. Присутствия по питейным делам могли отказать в удовлетворении запретительного приговора, в случае если ходатайства не были вызваны стремлением противодействия развитию пьянства и могли привести к беспатентной торговле или были составлены не по утвержденным правилам. В селениях, где проживало менее 500 душ, питейная торговля могла осуществляться только из одного питейного заведения, а в тех селениях, где торговля алкоголем не производилась ранее, сельские общества получили право ходатайствовать о полном запрещении питейной торговли [23].

Присутствия по питейным делам в разных частях России по-разному отнеслись к возложенной на них функции по охранению сельского населения от пьянства. Одни присутствия смотрели на питейные заведения как на сельский клуб, в котором крестьянин мог отдохнуть от трудов своих тяжких, другие не были столь лояльны и скупались на разрешения. Зато сельские общества единодушно осудили Закон от 14 мая 1885 г., отнявший у них возможность получить с виноторговцев плату за разрешительный приговор и убравший из «подчинения» самые прибыльные селения. Противодействие новым правилам выразилось в росте запретов на питейную торговлю, которые имели целью принудить виноторговцев к более значительным «магарычам».

По сведениям, приведенным непременным членом по питейным делам присутствия П. А. Роспоповым, в Богородском уезде Московской губернии запретительных приговоров в первое трехлетие (1886–1889 гг.) было составлено 112; а во второе трехлетие (1882–1892 гг.) – 302 [15, с. 7].

Выход был найден в том, что Законом от 5 мая 1892 г. сельским обществам было предоставлено право составлять приговоры о допущении на их землях питейной торговли за плату. При этом сельская администрация должна была отчитаться за деньги, полученные от виноторговцев, и направить большую их часть на уплату недоимок [24, с. 45].

В том самом Богородском уезде в третье трехлетие (1892–1895 гг.) численность запретительных приговоров сократилась до 84; а в четвертое трехлетие (1895–1898 гг.) – до 74 [15, с. 7].

Запретительные приговоры заключались еще и под давлением земских начальников. Побуждаемые намерением искоренить пьянство, они принуждали крестьян к запрету питейной торговли. Известно, в 1885 г. в 380 селениях Курской губернии сельские сходы воспретили питейную торговлю. Только в Новоскольском уезде было составлено 19 запретительных приговоров, т. к. среди крестьян распространилась «неизвестно откуда взятая молва», что в той деревне, где будет составлен разрешительный приговор, на посев не выдадут ни горсти купленного земством хлеба. «Если на сходе слышались голоса о желании разрешить питейную продажу, сейчас же следовал грозный вопрос: «Кто желает кабака, поди сюда!» Дело заканчивалось молчанием и постановлением единогласного запрета на питейную торговлю [25].

Число запретительных приговоров в начале 1890-х гг. росло так стремительно, что могла возникнуть мысль о необычайном росте сознания народа, вдруг возже-

лавшего уничтожить все «рассадники зла».

Как видим, права, предоставленные сельскому обществу в отношении питей, имели целью решить проблему «недоуправляемости» и сельской России, и питейной торговли. Но сельский сход не был самостоятельной единицей, за тем, чтобы «свобода» селян в отношении питей не выходила из очерченных рамок, зорко следили мировые посредники, старосты, урядники, а впоследствии по питейным делам присутствия и земские начальники.

Выводы

«Положение о питейном сборе», высочайше утвержденное 4 июля 1861 г., и принятые в его развитие законодательные акты определяли место сельского схода в открытии питейных заведений. Все сказанное позволяет однозначно заявить, что в разные периоды свободного оборота алкоголя возможности сельского схода менялись, усиливался контроль над крестьянами со стороны земств и присутствий по питейным делам. Сельские сходы, на которых решался вопрос «о кабаках», усилили у крестьян чувство собственной значимости. Предпочтение среди кандидатов на открытие питейной торговли они отдавали либо «своим» местным продавцам спиртного, либо более щедрым просителям. Большое влияние на выбор имела сельская администрация. Виноторговцы, желая склонить крестьян к нужному решению, охотно поили или раздавали деньги, которые опять-таки крестьяне несли в открывшийся кабак. Государство стремилось расширить круг учреждений, влияющих на питейную торговлю, но сельский сход, как показало время, не обладал самостоятельным голосом, его решения во многом зависели от размеров обещанного виноторговцем «магарыча».

Список литературы

1. Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов / сост. К. А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1954. 500 с.
2. Масальский В. К. Сельский сход и сельские должностные лица: (Права и обязанности): по положению 19 февр. 1861 г. и другим позднейшим законоположениям и правительственным распоряжениям. Минск: Тип.-лит. Б. И. Соломонова, 1883. 166 с.
3. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 36, ч. 1. №36657.
4. Вронский О. Г. Роль схода в системе крестьянского общинного управления пореформенной эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1 (45). С. 58–62.
5. Старосек А. К. Роль сельских сходов в обеспечении участия местных сообществ в управлении на местах // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 105–113.
6. Прасолов Д. Н. Сельские сходы в местном самоуправлении кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. // История науки и техники. 2019. № 7. С. 47–53.
7. Кравцова Е. С. «Всегда бедны и безденежны»: Сельские сходы как элемент фискальной системы на рубеже XIX – XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2008. № 3. С. 24–33.
8. Горюшкина Н. Е., Русаков И. Б. Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 734–743.
9. Богданов С. В. Государство в борьбе за трезвое общество в начале 1880-х – начале 1890-х годов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. № 2. С. 56–73.
10. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 574. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об. – 113 об.
11. О порядке открытия продажи питей в городах и селениях и о воспрещении продажи питей в лавках, торгующих другими товарами // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 39, ч. 3. №40833.
12. Быков Н. П. Сборник статей закона и правительственных распоряжений, касающихся наблюдения полиции за исполнением правил питейной торговли / сост. Н. П. Быков. Калуга: Тип. Губернского правления, 1876. 96 с.
13. П. Б. Крестьянский быт через два десятилетия после реформы // Русский вестник. М., 1880. Т. 149. С. 445–476.
14. Энгельгардт А. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М.: Сельхозгиз, 1960. 516 с.
15. Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии: [собраны и обработаны исполняющим дела неперменного члена Богородского по питейным делам Присутствия П. А. Роспоповым. Приложение к статистическому ежегоднику Московской губернии за 1898 год]. М.: Московское губернское земство, 1898. 178 с.
16. Герсеванов Н. Б. О пьянстве в России // Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 25, декабрь. С. 13–26.
17. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 76 б. Д. 80. Л. 7–7 об.

18. Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни: в 2-х ч. Ч. 2. М.: Типо-лит. А. В. Васильева и К°, 1902. С. 143–144.
19. О порядке разрешения раздробительной продажи крепких напитков в селениях, в черте усадебной оседлости, об ограничении прав евреев на питейную торговлю и об устройстве постоянных дворов в городах // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 49, ч. 1. № 53524.
20. Об изменении примечания 1 и разъяснении примечания 5 к статье 310 Устава о питейном сборе // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 51, ч. 1. № 55458.
21. Положение нашей питейной торговли; необходимость коренной перемены в ее устройстве // Вестник Европы. Г. 16. 1881. Т. 5, кн. 9–10. С. 348–353.
22. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 37. Оп. 3. Д. 46. Л. 237 об.
23. Высочайше утвержденные Правила о раздробительной продаже напитков // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 5. № 2946.
24. Лебедев В. А. Питейное дело. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1898. 106 с.
25. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 361. Л. 7–7 об.

References

1. Krest'yanskaya reforma v Rossii 1861 goda. Sbornik zakonodatel'nyh aktov [The peasant reform in Russia in 1861. Collection of legislative acts]; ed. by K. A. Sofronenko. Moscow, Gossyurizdat Publ., 1954. 500 p.
2. Masal'skij V. K. Sel'skij skhod i sel'skie dolzhnostnye lica: (Prava i obyazannosti): po polozheniyu 19 fevr. 1861 g. i drugim pozdnejshim zakonopolozheniyam i pravitel'stvennym rasporyazheniyam [Village assembly and village officials: (Rights and obligations): according to the regulations of February 19, 1861 and other later legislative provisions and government orders]. Minsk, Tip.-lit. B. I. Solomonova, 1883. 166 p.
3. Obshchee polozhenie o krest'yanah, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti [The general provision on peasants who came out of serfdom]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection.* 2, vol. 36, pt. 1, no. 36657.
4. Vronskij O. G. Rol' skhoda v sisteme krest'yanskogo obshchinnogo upravleniya poreformennoj epohi (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role of the gathering in the system of peasant communal management of the post-reform era (the second half of the XIX - early XX century)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki = Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 1 (45), pp. 58–62.
5. Starosek A. K. Rol' sel'skih skhodov v obespechenii uchastiya mestnyh soobshchestv v upravlenii na mestah [The role of rural gatherings in ensuring the participation of local communities in local governance]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 105–113.
6. Prasolov D. N. Sel'skie skhody v mestnom samoupravlenii kabardincev i balkarcev vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Rural gatherings in local self-government of Kabardians and Balkars in the second half of the XIX – early XX century]. *Istoriya nauki i tekhniki = History of Science and Technology*, 2019, no. 7, pp. 47–53.
7. Kravcova E. S. "Vsegda bedny i bezdenezhny": Sel'skie skhody kak element fiskal'noj sistemy na rubezhe XIX – XX vv. ["Always poor and penniless": Rural gatherings as an element of the fiscal system at the turn of the XIX – XX centuries]. *Vestnik Rossijskogo universiteta dru-*

zhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii = *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia*, 2008, no. 3, pp. 24–33.

8. Goryushkina N. E., Rusakov I. B. Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894) Public control of alcohol trade in Russia (1863–1894). *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal* = *The old years. Russian Historical Journal*, 2016, no. 41-1 (3), pp. 734–743.

9. Bogdanov S. V. Gosudarstvo v bor'be za trezvoe obshchestvo v nachale 1880-h – nachale 1890-h godov [The state in the struggle for a sober society in the early 1880s – early 1890s]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* = *Bulletin of Tver State University. Series: History*, 2008, no. 2, pp. 56–73.

10. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv) [Russian State Historical Archive], f. 574, op. 1, d. 1, l. 110 ob. – 113 ob.

11. O poryadke otkrytiya prodazhi pitej v gorodah i seleniyah i o vospreshchenii prodazhi pitej v lavkah, torguyushchih drugimi tovarami [On the procedure for opening the sale of drinks in cities and villages and on the prohibition of the sale of drinks in shops selling other goods]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* = *The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2*, vol. 39, pt. 3, no. 40833.

12. Bykov N. P. Sbornik statej zakona i pravitel'stvennyh rasporyazhenij, kasayushchihsya nablyudeniya policii za ispolneniem pravil pitejnoj trgovli [Collection of articles of the law and government orders concerning police surveillance of the implementation of the rules of the drinking trade]; ed. by N. P. Bykov. Kaluga, Tip. Gubernskogo pravleniya, 1876. 96 p.

13. P. B. Krest'yanskij byt cherez dva desyatiletija posle reformy [P. B. Peasant life two decades after the reform]. *Russkij vestnik* = *Russian Bulletin*. Moscow, 1880, vol. 149, pp. 445–476.

14. Engel'gardt A. Iz derevni. 12 pisem [From the village. 12 letters]. 1872–1887. Moscow, Sel'hozgidz Publ., 1960. 516 p.

15. Dannye o polozhenii pitejnogo dela v Bogorodskom uезде Moskovskoj gubernii: [sobrany i obrabotany ispolnyayushchim dela nepremennogo chlena Bogorodskogo po pitejnym delam Prisutstviya P. A. Rospopovym. Prilozhenie k statisticheskemu ezhegodniku Moskovskoj gubernii za 1898 god] [Data on the state of the drinking business in the Bogorodsky district of the Moscow province: [collected and processed by P.A. Rospopov, the acting permanent member of the Bogorodsky Drinking Business Presence. Appendix to the statistical yearbook of the Moscow Province for 1898]]. Moscow, Moskovskoe gubernskoe zemstvo, 1898. 178 p.

16. Gersevanov N.B. O p'yanstve v Rossii [About drunkenness in Russia]. *Otechestvennye zapiski* = *Domestic notes*. St. Petersburg, 1842, vol. 25, dekabr', pp. 13–26.

17. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 102, op. 76 b, d. 80, l. 7-7 ob.

18. Chukmaldin N. M. Zapiski o moej zhizni [Notes about my life], pt. 2. Moscow, Tipo-lit. A. V. Vasil'eva i K^o, 1902, pp. 143–144.

19. O poryadke razresheniya razdrobitel'noj prodazhi krepkih napitkov v seleniyah, v cherte usadebnoj osedlosti, ob ogranichenii prav evreev na pitejnuyu trgovlyu i ob ustrojstve postoyal'nyh dvorov v gorodah [On the procedure for the resolution of the fragmentary sale of spirits in villages, within the boundaries of the estate settlement, on the restriction of the rights of Jews to the drinking trade and on the establishment of inns in cities]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* = *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2*, vol. 49, pt. 1, no. 53524.

20. Ob izmenenii primechaniya 1 i raz'yasnenii primechaniya 5 k stat'e 310 Ustava o pitejnom sbore [On the amendment of Note 1 and clarification of Note 5 to Article 310 of the Charter on the drinking collection]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii* = *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1*, vol. 51, pt. 1, no. 55458.

21. Polozhenie nashej pitejnoj trgovli; neobhodimost' korennoj peremeny v ee ustrojstve [The situation of our drinking trade; the need for a radical change in its structure]. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*, G. 16, 1881, vol. 5, kn. 9–10, pp. 348–353.

22. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [The State Archive of the Kursk region], f. 37, op. 3, d. 46, l. 237 ob.

23. Vysochajshe utverzhdenные Правила o razdrobitel'noj prodazhe napitkov [Highly approved Rules on the fragmentary sale of beverages]. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii = The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 3*, vol. 5, pp. 2946.

24. Lebedev V. A. Pitejnoe delo [Drinking business]. St. Petersburg, Tip. Pravitel'stvyushchego senata, 1898. 106 p.

25. GAKO, f. 37, op. 1, d. 361, l. 7-7 ob.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Dr. of Sci. (Historical), Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: gor046@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4643-0108